

© 1997 г. Т.В. ТОПОРОВА

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЗАГОВОРОВ

Сопоставительный анализ заговоров в различных индоевропейских традициях постоянно привлекал внимание исследователей, поскольку именно этот жанр содержит ограниченный набор мотивов и формул, составляющих содержание соответствующих текстов. Высокая степень подобия заговоров объясняется универсальными прагматическими интенциями его субъекта, в частности, стремлением добиться получения желаемого (компенсировать недостачу, сохранить или усилить исходное состояние). Типы заговоров, определяемые потребностями исполнителя или заказчика, имеют общую референцию (ср., например, наиболее распространенные случаи – изгнание болезни, избавление от яда или стрел, возвращение скота, просьба об удачном путешествии и др.), в значительной мере предопределяющую их содержание, а также и лексическое наполнение. Сходство реальных ситуаций, служащих поводом для обращения к заговору, а также ряд структурных особенностей текстов данного жанра (их компактность, селективность стилистических приемов, передающих идеи глобального детерминизма, закона всеобщей эквивалентности, мощное воздействие прагматического фактора на всех уровнях языка) дает основания для поиска аналогичных мотивов в различных индоевропейских традициях.

Древнегерманские заговоры¹ сопоставляются с данными двух наиболее детально разработанных и полно представленных заговорных традиций – индоиранской² и восточнославянской³. Целью предлагаемых ниже реконструкций, разумеется, не является исчерпывающее описание многочисленных сходжений, уже не раз отмечавшихся специалистами⁴; скорее задача состоит в том, чтобы представить цепь совпадений как с и с т е м у, охватывающую все семантические сферы, функционирование которой обусловлено общими прагматическими интенциями субъекта заговора. Реконструкция осуществляется на двух уровнях – семантическом, объединяющем

¹ Древнегерманские заговоры цитируются по изданиям [Dobbie 1942; Schauffler 1917]. В статье приняты следующие сокращения: AS – Ad strigendum sanguinem. Bamberger Blutsegen "К остановке крови. Бамбергское заклинание крови". M – Erster Merseburger Spruch "Первое Мерзебургское заклинание". M 2 – Zweiter Merseburger Spruch "Второе Мерзебургское заклинание". NS – Niederdeutscher Spruch "Нижненемецкое заклинание". PN – Pro nussia. Der Münchener Wurmsegen "Против червей. Мюнхенское заклинание против червей". PS – Ad equum errehet. Pariser Spruch "Против воспаления конского копыта. Парижское заклинание". PS 2 – Pariser Spruch gegen Fallsucht "Парижское заклинание против эпилепсии". SB – Die Strassburger Blutsegen "Страсбургские заклинания крови". WH – Wiener Hundsegen "Венское заклинание собак". WR – Weingartner Reisesegen "Вейнгартенское заклинание о путешествии": 1 – For unfruitful land "Против неплодородной земли". 2 – The nine herbs charm "Заклинание девяти трав". 3 – Against a dwarf "Против карлика". 4 – For a sudden stitch "От внезапного колотья". 9 – For theft of cattle "Против кражи скота". 11 – A journey charm "Заклинание о путешествии". 12 – Against a wen "Против опухоли".

² Древнеиндийские заговоры цитируются по изданиям [AB 1976; PB 1972].

³ Русские заговоры цитируются по изданию [Майков 1869].

⁴ Ср. [Kuhn 1864; Буслаев 1861; Genzmer 1950; Schlerath 1962; Schmidt 1967; Иванов, Топоров 1963; 1965; 1966; Топоров 1969; 1993; 1995] и др.

определенные мотивы, сюжеты, мифологемы, и формальном, предполагающем одинаковое языковое выражение соответствующей идеи.

I. Подробнее остановимся на некоторых магико-религиозных формулах, восходящих к индоевропейскому "поэтическому языку":

а) Конструкции, описывающие состав человеческого тела: $A + A$, $B + B$, $C + C$ и т.д. Ср: *ben zi bena, bluot zi bluoda, / lid zi gelidin, sôse gelîmida sîn* (М 2)⁵ "кость к кости, кровь к крови, / сустав к суставу да присоединится"; "Да соединится твой (костный) мозг с мозгом, твой сустав с суставом; / ...да срастется кожа с кожей; / ...да срастется плоть с плотью!" [АВ: IV, 12, 3–5]; "стыкася, срастася тело с телом, кость с костью, жила с жилую" [Майков 1869: 267].

Ядро этой формулы образуют названия частей тела, расположенные в определенной последовательности: "к о с т н ы й м о з г" – "к о с т ь" – "с у х о ж и л и е" – "п л о т ь" – "к р о в ь". Перечисление ведется изнутри вовне, за номинативом следует датив с предлогом и предикат со значением синтеза. Формальная запись выглядит следующим образом: A (nom.) – conj. с ассоциативным значением – A (dat.) – verb ("с о е д и н я т ь") – B (nom.) – conj. – B (dat.) – verb – C (nom.) – conj. – C (dat.) – verb и т.д.⁶

б) Конструкции, описывающие изгнание змеи или болезни из органов человеческого тела: $A > B$, $B > C$, $C > D$ и т.д. Ср.: *Gang ut, Nesso... / uz fonna marge in deo âdrâ, vonna den âdrun in das fleisk, / uz fonna demu fleiske in daz fel, / fonna demovelle in diz tullî* (PN) "Выйди наружу, змей, ... / из костного мозга в жилы, из жил в плоть, / из плоти в кожу, / из кожи в копыто"; "Из костей, из твоего костного мозга, из кровеносных сосудов / якшму – из ладоней, из пальцев, / из ногтей я вырываю у тебя!" [АВ: II, 33, 1]; "... прогоняют злого, лихого ноктя иссарки в гриву, из гривы в спину, из спины в окорока, из окороков в ноги, из ног в копыта..." [Майков 1869: 195].

На формальном уровне данную конструкцию можно представить в следующем виде: Conj. 1 (с отделительным значением) – A (косв. пад.) – conj. 2 (обозначающий направление) – B (асс.) – conj. 1 – B (косв. пад.) – conj. 2 – C (асс.)... – verb. ("в ы х о д и т ь, п о к и д а т ь").

Эта конструкция содержит тот же инвентарь лексем, что и конструкция A (к о с т н ы й м о з г, к о с т ь, с у х о ж и л и е, п л о т ь, к р о в ь), но в обратной последовательности, так как в соответствии с логикой изгнания болезни органы тела перечисляются изнутри, а последний компонент (например, "з е м л я") находится вообще за пределами организма; в обеих конструкциях антонимичны предлоги и предикаты, и первую можно интерпретировать как формулу соединения, а вторую – как формулу отделения применительно к частям тела. Обе операции – синтез и анализ наиболее точно определяют глубинную сущность заговора и его механизм и обнаруживают многочисленные параллели как в языке, так и в ритуале различных заговорных традиций.

с) Мотив отсутствия места для враждебных субъекту заговора сил (болезней, демона и др.) и их отсылки на гору: *Wenne, wenne, wenchickenne, / her ne scealt þu timbrian, ne nenne tun habben, / ac þu scealt north eonene to þan nihgan berghe, / þer þu hauest* (12, 1–4) "Опухоль, опухоль, маленькая опухоль, / здесь ты не должна ни строить, ни жилища иметь, / а ты должна на север отсюда к ближайшей горе [уйти], / там ты живешь"; "Да будет тут не-место для голубя и совы..." [АВ: VI, 29, 2]; "Загони их в гору, / канвов, отравляющих жизнь" [АВ: II, 25, 4]; "Тут тебе не быть, тут тебе не жить; быть тебе по болотам, по гнилым колодам, за темными лесами, за крутыми горами, за желтыми песками. Там тебе быть, там тебе пожить" [Майков 1869: 94].

д) М а г и ч е с к о й ф у н к ц и е й с л о в а объясняется многократное исполь-

⁵ Полный перечень контекстов, в которых зафиксирована данная формула, см. [Топоров 1969: 11–13].

⁶ А, В, С в этой формуле выражены индоевропейскими изоглоссами, поэтому их конкретное языковое воплощение остается за рамками данного исследования.

зование имен или признаков адресата, когда цель коммуникативного акта заключается исключительно в номинации. В основе этой концепции лежит мифопоэтическое представление о первичности имени по отношению к его носителю, его креативной функции (то есть имя создает объект). Если обратиться к теории коммуникативного акта, то складывается ситуация, когда код направлен сам на себя (code referring to code в терминологии Якобсона [Якобсон 1972]).

Примеры магического употребления слова в заговоре демонстрируют различные индоевропейские традиции. Ср.: *Uuola, uuiht, taz tu uueizt, taz tu uuiht heizist, / taz tu neuueist noch nechanst cheden chuospinci* (A) "Хорошо, демон, что ты знаешь, что ты называешься демоном, / что ты не знаешь и не умеешь сказать заклятье корове"; "Раскалывающее, с сотней ветвей... / "Раскалывающий" по имени твой отец. / В ответ расколи ты того, / кто нам враждебен" [AB: IV, 19, 5]; "Трисвятый Владыко, страшный, и страшно имя твое..." [Майков 1869: 267].

е) Мотив ограждения от враждебных субъекту заговора сил: *Ic me on þisse gyrde beluce... / wið þane sara stice, wið þane sara slege* (11. 1–2) "Я ограждаю себя (букв. 'замыкаю') этим посохом... / против болезненного прокола, против болезненного удара"; "; "Те рыжие звери, / ...ими мы ограждаем тебя" [AB: I, 22, 3]; "...Огражду вокруг меня (имя рек) и дружины моей... тын железный, ... чтобы никто не мог прострелить его, от востока до запада, от севера на лето..." [Майков 1869: 42].

г) отражение змееборческого мотива "основного мифа": *Wyrn com snican, toslat he man; / ða geman Woden VIII wuldortanas, / sloh ða þa næddran, þæt heo on VIII tofleas* (2, 31–33). "Змей вполз, он убил человека; / тогда Водан взял девять чудесных ветвей, / убил он змея, так что тот разбежался на девять частей"; "Который большой жернов Индры, давителъ всякого червя, – / им я раздробляю червей" [AB: II, 31, 1]; "Эй же ты, змея скорпея, я пришел к тебе с нуждою" "С какою?" "Найди ту змею, кая укусила раба Божия"... "Я, говорит, не пойду." "А я тебя громом убью". "Я от грома спрячусь в землю" [Майков 1869: 178].

Важным элементом сюжета "основного мифа" можно считать упоминание грома или прямое обращение к нему (ср.: *Doner dutîgo dietewîgo!* (PS 2) "Гром милостивый, вечный для народа" в контексте поединка сына Адама и сына дьявола; "Поклон тебе, о молния, поклон твоему грому" [AB: I, 13, 1]); в обоих текстах апелляция к грому открывает заговор.

В приводимых выше версиях "основного мифа" выделяются общие элементы сюжета – участие в поединке божественного персонажа (Водана, Индры, Иисуса Христа) и змея и особая роль числа 'девять', обозначающего количество змей или змеенышей⁷.

г) Индоевропейская формула "небо – земля": *eorðan ic bidde and upheofon* "землю я молю и верхнее небо" (1, 29); "Да будут милостивы к тебе Небо–Земля" [AB: III, 4, 5]; "...так к этому моему слову небо и земля – ключ и замок" [Майков 286].

h) Мифологема "верхнее небо": *eorðan ic bidde and upheofon* "землю молю и верхнее небо" (1, 29); "Земля установлена... высшее небо поставлено" [AB: X, 2, 25].

и) Мотив избавления от уз: *insprinc hapthandun* "избеги уз-оков" (M); "...Отсюда царь крепких обетов / пусть отпустит все привязи" [AB: VII, 83, 1].

ж) Индоевропейская мифологема "преступник" – "волк": *Christ uuart gaboren er uuolf ode deioh* "Христос родился раньше волка или вора" (WH); "Пусть уйдет волк дальним путем, / а также разбойник самым дальним путем..." [AB: VI, 3.

⁷ Данные различных индоевропейских традиций позволяют высказать предположение. "не является ли мотив девяти червей (или змей), поражаемых героем заговоров с помощью огня, камня, дубинки... косвенным отражением мотива о ссоре Громовержца с детьми (девять сыновей), изгнании их и последующем их поражении (возможно, с обращением их сначала в червей или змей)?" [Топоров 1969: 31].

2]; "...Соблюдайте и сохраните мое стадо... от насланного волка, от лихого человека..." [Майков 1869: 285].

к) "З а к л и н а т ь з а к л и н а н и е": *þis galdor ongalan cyþe* "это заклинание сможет заклинать" (3, 17); *Sygegealdor ic begale* "Победное заклинание я заклинаю" (11, 6); *samānām mántram abhi mantraye vaḥ* [PB: X, 191, 3] "единый заговор я заговариваю вам"; "...Заговором я заговариваюсь, железным замком запираюсь" [Майков 1869: 370].

1) Мифологема чудодейственного растения

а) "Р а с т е н и е с о з д а н о д е м и у р г о м": *þa wyrte gesceop witig drihten* (2, 36) "эти растения создал мудрый Господь"; "На небе твой корень, о трава, / на земле ты установлена" [AB: XIX, 32, 3].

б) "П е р в о е р а с т е н и е": *yldost wyrta* (2, 3) "старейшее растение"; "Ты возникла как первое из растений" [AB: XIX, 32, 10].

в) "Р а с т е н и е — м а т ь": *Ond þu, wegbrade, wyrta modor* (2, 7) "А ты, щавель, мать растений"; "сотня, о матушки, ваших разновидностей, а также тысяча ваших растений" [PB: X, 97, 2].

г) В ы с о ч а й ш а я о ц е н к а растения: *Fille and finule, felamihtigu twa* (2, 36) "Кервель и укроп, очень могучие оба"; "Ты высшее из растений. / Деревья подвластны тебе" [AB: VI, 15, 1].

м) Мотив в о з в р а щ е н и я с к о т а (с антонимическими предикатами: *...feoh to findanne, næs to oðfeorganne, / and to witanne, næs to oðwyrccenne, / and to lufianne, næs to oðlædanne* (9, 3–6) "...скот найти, а не увести, / и присмотреть, а не навредить, / и любить, а не угнать"; "Они не исчезнут. Вор не причинит (им) вреда. / Недруг не покусится на их движение..." [AB: IV, 21, 3]; "Заговариваю я... сей заговор над моим табуном. Как мураши где ни ходят, ни гуляют, а приходят и не отлучаются от своего гнезда, — так бы мои добрые кони... не вышли бы из сего круга..." [Майков 1869: 287].

II. Древнегерманские и восточнославянские заговоры обнаруживают некоторые соответствия, а именно:

1) Мотив д в и ж е н и я а д р е с а н т а и е г о в с т р е ч и с а д р е с а т о м: *Man gieng after wege / ...dô hegagenda imo mîn trohtin* (PS) "Человек шел по дороге, / ...ему повстречался Господь...; "...пойду аз, раб Божий, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на путь, на дорогу; в стречу мне, рабу Божию, три брата..." [Майков 2]. Показательно, что в обеих традициях за указанным мотивом следует диалог действующих лиц, то есть речь идет об общем композиционном приеме.

2) Мотив р а з б и в а н и я к а м н я с эсхатологическими коннотациями, отсылающий к "победе Бога Грома над противником, реализующейся [...] в расщеплении камня, под которым скрывается его противник" [Иванов, Топоров 1974: 96]. Ср.: *Doner dutîgo... / Dô quam des tiufeles sun uf Adames bruggon / unde scîteta einen stein ze wite* (PS 2) "Гром милостивый... / Тогда пришел сын дьявола на Адамов мост / и разбил камень в стружку"; "Наступает к тому белому камню святой Егорий храбрый (...); разбивает тот белый камень на четыре части" [Майков 1869: 16].

3) Мотив н е с п о к о й н о й р ы б ы: *Visc flôt aftar themo uuatare, / thô verbrustun sîna vetherun* (NS) "Рыба плавала по воде, / тогда у нее лопнули плавники"; "На желтом песку есть белая рыбица. Как белая рыбица тоскует и мечется и не может без воды жить..." [Майков 12].

4) Мотив к у з н е ц о в: *Sæt smið, sloh seax lytel* "Сидел кузнец, ковал маленький меч" (4, 13); *Syx smiðas sætan, wælspera worhtan* (4, 16) "Шесть кузнецов сидели, делали боевые стрелы"; "на том море стоит остров, на том острове стоит столб, на том столбу сидят семьдесят семь братьев, они куют стрелы булатные день и ночь..." [Майков 1869: 21].

5) Мотив грохота злых сил: *Hlude wæran hy, la, hlude, ða hy ofer hlæw ridan* (4, 3) "Громкими были, ох, громкими, когда они скакали через холм": "Седла гремят, узды бренчат, в порожние мехи ехать по хмель..." [Майков 1869: 202].

Звуковая аранжировка текста, изображающая в обоих случаях скачку враждебных человеку существ, дополняется одинаковым стилистическим приемом – в начале злые силы называются лишь косвенно, на них указывают глагольные формы 3 л. мн. ч. и личные местоимения 3 л. мн. ч. (то есть возможно табуирование), а прямая номинация осуществляется позднее.

6) Мотив ползучего змея: *Wyrn com snican* "Приполз змей" (2, 31); "Из земли из поганския, из-за моря Астраханского ползет ползун змей Полоз... Ползет тот змей, выползает..." [Майков 1869: 263].

Есть основания предполагать, что в приводимых примерах отмечен не просто важнейший признак змея как биологического вида, а речь идет об атрибуте противника Громовержца в змееборческом эпизоде "основного мифа", о чем недвусмысленно свидетельствуют мифологические контексты обоих заговоров.

7) Космологические представления: *thy biguolen Sinthgunt, Sunna era suister* (M 2) "тогда заклинала ее Синтгунт [букв. 'пути битву (имеющая)'], Солнце ее сестра". Синтгунт отождествляется с месяцем [Vries 1957: 172] по признаку регулярного движения, а деифицированная пара "м е с я ц" и "с о л н ц е" относится к основным космологическим элементам⁸.

Ср.: "...оболокусь я оболочками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и освечусь я красным солнышком..." [Майков 1869: 42].

Проникновение в заговор космологических представлений вызвано необходимостью обращения к прецеденту – первотворению, гарантирующему максимальную сакральность ритуала и вербальной части заговора.

8) Мотив открытых дверей: *offin sî dir diz sigidor, ... / hislozin sî dir diz wâgidor* (WR) "пусть откроются перед тобой двери победы, ... / пусть закроются перед тобой двери моря"; "...и услыши нас молящихся Тебе и отверзи нам двери, их же никто не может затворить..." [Майков 1869: 267]. Восхождение д.-в.-н. *dor* и русск. *дверь* к общему корню (и.-е. **dh̥uer-*) дополняется антонимичными предикатами 'о т к р ы в а т ь' – 'з а к р ы в а т ь' и общими грамматическими формами – императивами.

9) Мотив засыхания врага или болезни: *Eal he weornige, swa syre wudu weornie* (9, 16) "Весь он [вор] пусть засохнет, как сохнет сухой лес"; "Как у матушки у сухой сосны, сохнут и сохнут сучья и коренья... так бы сохло и посыхало у (имя рек) уроки и призоры и притки, щипоты, ломоты..." [Майков 1869: 210].

Существенно, что идея засыхания реализуется в типичном для заговора сопоставительном предложении, причем глагол "с о х н у т ь" фигурирует и в главной, и в придаточной части, и подкрепляется прилагательным "с у х о й", то есть очевидны признаки поэтической организации текста.

Подводя итоги сопоставительного анализа трех индоевропейских заговорных традиций (древнегерманской, древнеиндийской и восточнославянской), следует отметить некоторые существенные моменты:

⁸ Показательна скандинавская параллель из эддического "Прорицания вельвы", посвященного описанию демиургического акта: *Sól varp sunnan, sinni mána, / hendi inni hægri um himiniður; / sól þat né vissi, hvar hon sali átti, / ...máni þat né vissi, hvat hann megins átti* "Солнце бросало с юга, спутник месяца, / правую руку до края небес; / солнце не знало, где его место, / ...месяц не знал, где его сила" [Edda 1962: 2]. где солнце и месяц появляются в параллельных конструкциях и обозначаются как спутники (др.-исл. *sinni*, ср. д.-в.-н. *Sinthgunt* с однокорневым элементом). Древнеисландский текст цитируется по изданию [Edda 1962]. Русский текст цитируется по изданию [Старшая Эдда 1963].

1) Семантические параллели гетерогенны по своему происхождению. Они восходят к различным источникам: а) текстам, для которых характерно магическое употребление слова (ср. **imten uēid* – "имя знать"); б) индоевропейской мифологии (ср. отражение змееборческого мотива "основного мифа", мифологемы "преступник" – "волк", кузнеца как хтонического персонажа, эсхатологического раскалывания камня, сакрального растения и др.); в) формулам индоевропейского поэтического языка ("небо" – "земля", "заклинать заклинание"); г) заговору как особому жанру (ср. мотив изгнания болезни, засыхания врага и др.). Конструкции, относящиеся к последнему разряду, подразделяются на две группы: окказионализмы (ср. мотив грохота злых сил или беспокойной рыбы) и случаи, когда сходство в плане содержания обусловлено типом заговора, то есть тематика заговора продиктована в конечном счете прагматическими интенциями субъекта заговора (ср. конструкции, описывающие состав тела, отсылку болезни или возвращение скота).

2) Сходство на уровне идей может подкрепляться языковым тождеством, ср. общее название волка – и.-е. **ulka* в мифологеме "преступник" – "волк" или двери – и.-е. **dhuer* – в мотиве открытых дверей.

3) Семантические параллели обладают некоторыми общими формальными приемами, ср., например, антонимическую структуру текста в мотиве возвращения скота, оппозицию "здесь" – "там" в мотиве отсутствия места для враждебных субъекту заговора сил, диалог в мотиве встречи адресанта и адресата заговора. Иными словами, можно утверждать, что одна и та же концепция воплощается одинаковыми методами.

4) Соответствия, обнаруженные в древнегерманских, древнеиндийских и восточнославянских заговорах, не случайны и не хаотичны; они затрагивают релевантные с точки зрения содержания комплексы (ср. центральный эпизод "основного мифа" или мифологему сакрального растения, прообразом которого служит мировое древо).

5) Системность семантических параллелей подтверждается, во-первых, объединением пучка мотивов в пределах одной мифологемы (ср., например, фигурирование числа 9, обозначающего количество змеенышей в сцене поединка Громова вержца со змеем, и оружие – гром или совокупность признаков в мифологеме о сакральном растении) и, во-вторых, их взаимной ориентацией (ср. противоположные и в содержательном, и в формальном аспекте конструкции А (nom.) – conj. 1 (с ассоциативным значением) – А (dat.). ... – verb ("соединять") и conj. 2 (с дисъюнктивным значением) – А (в косвенном падеже) – conj. 3 (со значением направления) – В (acc.)... – verb ("выходить").

В целом семантические совпадения, зафиксированные в древнегерманских, древнеиндийских и восточнославянских заговорах, затрагивают важнейшие в концептуальном отношении комплексы и обладают элементами определенной организации. Их изоморфизм на уровне содержания дополняется одинаковыми формальными приемами построения текста.

*

Помимо реконструкции общих представлений, отраженных в древнегерманских, древнеиндийских и восточнославянских заговорах, следует рассмотреть примеры кодирования ключевых идей одним и тем же индоевропейским корнем.

1) И.-е. **st(h)ā-*, **st(h)ə-* "стоять" [IEW 1125].

а) *Eastweard ic stānde* "Лицом к востоку я стою" (1, 26); лат.: *Stabat Mater dolorosa* "Стояла печальная мать"; "...Стой твердо (*dhruvās tīstha*), непоколеби-

мый!" [PB: X, 173, 1]; "Встану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в избы, из дверей в двери, из ворот в ворота, под восток, под восточную сторону..." [Майков 56];

b) *tô verstant taz plot, verstande tiz plot, stant plot, stant plot fasto* (SBa) "тогда остановилась кровь, остановись, кровь, стой, кровь, стой, кровь, крепко"; "... и ты, кровь, стани, а не кани" [Майков 170].

2) И.-е. *bhendh-* "соединять" [IEW 127]: ...*daz er Aderuna âderon ferbunde* (PS 2) "...чтобы он соединил жилы Адеруне"; "кто знает их, станет отцом отцов, / и он – связь (*bándhu-*)" [AB: II, 1].

3) И.-е. **uergh-* "выгонять" [IEW 1154]: *w geseð heo wraðan* "выгоняет она врага" (2, 17); "мы выгоняем (*ví v r h a m i*)" [PB: X, 163].

4) И.-е. **uert-* "(воз)вращать" [IEW 1156]: *der heiligo Christ unta sce Marti. der gaucerdô uualten hiuta dero hunt, dero zohôno. daz in uuolf noh uulpa za scedin uuerdan ne megi* (WH) "святой Христос и святой Мартин, соблаговолите управлять сегодня кобелями, суками, чтобы им ни волк, ни волчица не причинили вреда"; "Возвратитесь (*ní v artadhvam*)!... Возврати снова (*púnar... ní v artaya*) их назад!... Да возвратятся они снова назад (*púnar... ní v artantām*)" [PB: X, 16]; "... пойду царя Давида просить... все недуги исцелить и нечистую силу змен отвратить" [Майков 1869: 177].

б) И.-е. **ulksos – *ulksā* "волк – волчица" [IEW 1178]: ...*daz in uuolf noh uulpa za scedin uuerdan ne megi* (WH) "...чтобы им не причинили вреда ни волк, ни волчица"; "...И как же во святом граде Иерусалиме гроб Господень на земли не бывает, так бы у моего стада коровьего, конного и овечьего... не бывать волку и волчице, насланных от лихого человека" [Майков 1869: 285].

Семантические реконструкции характеризуют ключевые предикаты мифопоэтической модели мира, относящиеся к космогонической сфере (**st(h)ā-*, **st(h)ə-* "стоять"), а также действия, типичные именно для заговоров (**uergh-* "выгонять", **uert-* "возвращать", **bhendh-* "соединять"). Древнегерманские, древнеиндийские и восточнославянские данные позволяют реконструировать некоторые синтагмы (**ulksos – ulksā* "волк – волчица") и дифференцировать употребления одного и того же индоевропейского корня (ср. экспозиционную формулу "Я стою" и "стой, кровь").

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- AB 1976 – *Атхарваведа*. Избранное. Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1976.
- Буслаев Ф.И. 1861 – О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб., 1861.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1963 – К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. М., 1963.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1965 – Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1966 – Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы // Структурная типология языков. М., 1966.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1974 – Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Майков Л.Н. 1869 – Великорусские заклинания. СПб., 1869.
- PB 1972 – *Ригведа*. Избранные гимны. Перевод, комментарии и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.
- Старшая Эдда 1963 – *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.: Л., 1963.
- Топоров В.Н. 1969 – К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту, 1969.
- Топоров В.Н. 1993 – Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

- Топоров В.Н.* 1995 – О древнеиндийской заговорной традиции // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. М., 1995.
- Dobbie* 1942 – The Anglo-Saxon minor poems / Ed. by E. von K. Dobbie. N.Y., 1942.
- Edda* 1962 – *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. 4-te, umgearbeitete Auflage von H. Kuhn. Heidelberg, 1962.
- Genzmer F.* 1950 – Germanische Zaubersprüche // Germanisch-romanische Monatsschrift. N.F. Bd. I. № 1. 1950.
- IEW* 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / Hrsg. von Pokorny J. Bd. 1–2. Bern, München, 1959.
- Kuhn A.* 1894 – Indische und germanische Segenssprüche // KZ. Bd. 13. 1894.
- Schauffler Th.* 1917 – Althochdeutsche Literatur mit Grammatik, Übersetzung und Texterläuterungen. Berlin, 1917.
- Schlerath B.* 1962 – Zu den Merseburger Zaubersprüchen // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962.
- Schmitt R.* 1967 – Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
- Vries J. de.* 1956–1957 – Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1–2. Brl., 1956–1957.